

Дыхание было слабым, почти неосязаемым, но оно было. Юаньцзин почувствовал, как его собственное сердце, замершее от страха, вновь пустилось вскачь.

Едва его пальцы коснулись изможденного тела, мальчик распахнул глаза. В этом взгляде не было детской наивности — лишь звериная, пронзительная острота. Казалось, еще мгновение, и он вцепится в глотку незваному гостю, готовый защищать остатки своей жизни до последнего вздоха.

Однако, осознав, что перед ним не ненавистный евнух Лю Фу, ребенок притушил ярость. Он продолжал смотреть холодно и отстраненно, не двигаясь и не произнося ни слова, просто лежа на земле.

Этот взгляд не принадлежал ребенку. Сколько же боли и ужаса пришлось перенести этой маленькой душе, чтобы так преждевременно ожесточиться? Сердце Юаньцзина болезненно сжалось.

— Ты кто? — Юаньцзин намеренно понизил голос до мягкого шепота. — Я пришел, чтобы свести счеты со старым кастратом и забрать его золото. Здесь я нашел тебя. Хочешь, я выведу тебя отсюда?

— А ты кто? — голос мальчика звучал неестественно сухо, словно скрип старого дерева.

Юаньцзину стоило огромных усилий не влить ему в рот живительную воду из источника немедленно.

«Нет, нельзя. Сначала нужно выбраться на поверхность»

— Меня зовут Юаньцзин, я лекарь. Идем со мной. Я вылечу твои раны и поставлю тебя на ноги.

Даже без проверки пульса Юаньцзин видел: на теле ребенка не осталось живого места. И это не были следы тех извращенных ласк, которым подвергались шуаньэр — мальчика истязали пыточными инструментами, развешанными по стенам этой комнаты. Его личность явно не была заурядной, раз евнух Лю держал его в таком глубоком подземелье. Юаньцзин чувствовал, как мысли путаются, не в силах пока понять, кем именно является этот найденыш.

Мальчик пристально изучал Юаньцзина, словно взвешивая каждое его слово и оценивая, можно ли довериться этому человеку. Профессия лекаря была именно тем, в чем он нуждался больше всего, но само появление спасителя казалось слишком своевременным, почти невозможным.

Ребенок на миг прикрыл веки, а когда снова открыл их, в его взгляде читалась решимость.

— Хорошо.

Он сделал ставку на этого незнакомца. Это был его единственный шанс вырваться из ада, чтобы однажды заставить старого пса Лю и всех, кто приложил руку к его падению, захлебнуться собственной кровью.

Юаньцзин ощутил волну исходящей от ребенка жажды мести, но это не оттолкнуло его. Напротив, он почувствовал, что в этой жизни готов сам стать клинком в руках своего возлюбленного.

Он осторожно, стараясь не причинить боли, поднял мальчика на руки. Ребенок был пугающе легким. Эта бережность заставила его еще раз взглянуть на спасителя, прежде чем он безучастно отвернулся, позволяя унести себя.

Выйдя из темницы, Юаньцзин коротко кивнул ждавшему в коридоре Чжан Чжи:

— Уходим.

— Да, господин.

Они вернулись в спальню наверху. Старый кастрат Лю всё так же неподвижно лежал на полу. Мальчик сразу заметил его состояние и спросил:

— Что ты с ним сделал?

— Удар кинжала и дурманящее зелье. Он без сознания.

— Можешь привести его в чувство? — В глазах ребенка вспыхнула лютая ненависть. — Я хочу лично вонзить сталь в сердце этой старой собаки.

— Как пожелаешь. Я и сам не собирался оставлять его в живых, — отозвался Юаньцзин.

Он опустил мальчика на пол, позволив Чжан Чжи поддержать его. Было заметно, что ребенок относится к шуаньэр с явным пренебрежением, но, понимая, что Юаньцзину нужно освободить руки, он не стал возражать.

Юаньцзин усадил Лю Фу на стул и обмотал его обрывками ткани так крепко, что тот не смог бы пошевелить и пальцем. Вытащив кляп, он бросил в рот вельможе пилюлю и тут же снова заткнул его, лишая возможности кричать.

Спустя минуту Лю Фу очнулся. Боль была невыносимой. Еще недавно он мирно спал в своей

постели, а теперь горел в огне агонии. Евнух попытался закричать, проклиная слуг за нерасторопность, но из горла вырвалось лишь невнятное мычание. В спальне было темно, а рот стягивала повязка. Лю Фу охватил первобытный ужас.

— Подведи меня к нему, — приказал мальчик.

Несмотря на возраст, в его тоне звучала привычка повелевать. Чжан Чжи послушно исполнил просьбу. Сделав пару шагов, Юаньцзин сам подхватил ребенка. Тот воспринял это как должное.

— Лю, старый пес, открой глаза и посмотри, кто перед тобой. Помнишь, я обещал? Если я выживу, то подохнешь ты. И ты, и твои хозяева.

Лю Фу взгляделся в лицо ребенка, и его мычание стало еще отчаяннее. Неужели кто-то нашел мальчишку и пришел на помощь? Но это невозможно! Ни одна живая душа не знала, что ребенок у него. Увидев, как Юаньцзин вкладывает кинжал в руку мальчика, евнух забился в пугах. В комнате распространился резкий, зловонный запах — вельможа обмочился от страха.

Юаньцзин и его маленький спутник одновременно поморщились. Ребенок похлопал лезвием кинжала Лю Фу по щеке:

— И у такой псины, как ты, настал этот день. Если бы не твои прихвостни снаружи, я бы резал тебя по куску, заставляя жрать собственное мясо. Считаю, что я проявляю к тебе милосердие — отправляю в преисподнюю на сытый желудок.

Вонь усилилась. Стоявший позади Чжан Чжи обхватил себя руками, дрожа всем телом. Юаньцзин же оставался невозмутим. После всего, что этот ублюдок сделал с ребенком, любая казнь казалась слишком мягкой.

— Ладно, довольно с тебя. Отправляйся в ад и жди там своего господина, — холодно бросил мальчик.

Он направил кинжал в область сердца Лю Фу. Но детских сил не хватило — лезвие лишь слегка оцарапало кожу. Мальчик разочарованно взглянул на Юаньцзина, и тот мгновенно понял его без слов. Накрыв маленькую ладонь своей, Юаньцзин навалился всем весом, и вместе они вогнали кинжал по самую рукоять.

Старый пес Лю дернулся в последний раз, конвульсивно выгнулся и затих. Теперь он окончательно превратился в бездыханную тушу.

Юаньцзин помог мальчику вытащить оружие. Ребенок брезгливо поморщился и вытер кровь о халат убитого, собираясь забрать кинжал себе. Юаньцзин тут же подал ему ножны, чтобы тот не порезался. Хоть кинжал и стоил копейки, если мальчик хотел его — пусть берет.

— Обыщи здесь всё. Нам могут понадобиться доказательства, — распорядился ребенок.

— Хорошо.

Юаньцзин даже не подумал об этом, но, услышав приказ, окончательно убедился: этот мальчик воспитан не в простой семье. В его манерах сквозило врожденное величие.

Чжан Чжи бросился помогать Юаньцзину. Он быстро осознал, что его положение здесь куда ниже, чем у спасенного ребенка. Раз лекарь так беспрекословно слушается мальчишку, значит, тот — птица высокого полета.

Юаньцзин не тратил время на раздумья. Всё, что попадалось под руку, он отправлял в свое пространство, делая вид, что прячет вещи под одежду. Закончив, он снова взял мальчика на руки:

— Нам пора. Нужно покинуть Цзянчэн до рассвета.

— Согласен.

На этот раз силы окончательно покинули ребенка, и он полностью доверился Юаньцзину. После того как они вместе убили Лю Фу, в его сердце зародилась крупница доверия.

С двумя спутниками на руках выбираться было сложнее, но они успели покинуть поместье, не потревожив стражу. Юаньцзин доставил их на постоянный двор, чтобы наскоро обработать раны, а с первыми лучами солнца найти экипаж.

Когда небо на востоке начало светлеть, раны были перевязаны. Юаньцзин купил лошадей и повозку и подогнал её к дверям гостиницы. Служка на постоялом дворе лишь недоуменно моргнул, увидев, как постоялец выносит двух дополнительных людей, но решил, что просто ошибся вчера со счетом — в таком суетном городе и не такое померещится.

Уже в повозке Юаньцзин обратился к Чжан Чжи:

— Ты уверен, что хочешь ехать с нами? Твоё исчезновение не привлечёт лишнего внимания на воротах?

Мальчик тут же впери в шуаньэр подозрительный взгляд. Если бы возникла хоть тень угрозы, он без раздумий велел бы вышвырнуть его вон.

Чжан Чжи забился в угол повозки:

— Я не из Цзянчэна. Здесь меня никто не знает.

— Ладно. Перед воротами я изменю вашу внешность, — решил Юаньцзин.

У него оставалось достаточно мази. Он загримирует шуаньэр и мальчика так, что никто не заподозрит неладное.

К удивлению Юаньцзина, в Цзянчэне было тихо. Видно, старый кастрат так любил ночные утехи, что слуги не решались тревожить его до позднего утра. Чем позже они обнаружат труп, тем лучше.

Им удалось беспрепятственно выехать из города. Юаньцзин облегченно выдохнул, глядя на удаляющиеся стены, и погнал лошадей прочь, стремясь оказаться как можно дальше от этого места.

Едва их повозка скрылась из виду, в поместье Лю Фу проснулись слуги, усыпленные Юаньцзином. Ничего не подозревающий лакей вошел в спальню, чтобы подать утренний чай, и замер, увидев хозяина, прикрученного к стулу. Комнату прорезал истошный крик:

— А-а-а! Беда! Господина убили! Стража, сюда!

Усадьба мгновенно превратилась в разворошенный муравейник. Примчавшиеся стражники увидели лишь остывшее тело Лю Фу с застывшим на лице выражением предсмертного ужаса.

— Быстрее! Сообщите губернатору! Закрыть ворота! Искать убийц!

Цзянчэн захлебнулся в хаосе. Десятки случайных людей были брошены в застенки по подозрению в преступлении, но настоящий убийца уже был далеко, направляясь в сторону Нинчэна.

В пути Юаньцзин занялся маскировкой спутников. Мальчика он превратил в шуаньэр, поставив ему на лбу искусственную родинку. Лицо ребенка было столь тонким и изящным, что в таком обличье он не вызывал ни малейших подозрений. Чжан Чжи же, напротив, Юаньцзин преобразил в обычного юношу-слугу. Сам лекарь продолжал придерживаться образа тридцатилетнего бродячего целителя.

Мальчик был явно недоволен своей новой ролью, но, понимая необходимость такой хитрости, промолчал. Его товарищ же не смел и слова сказать против.

Юаньцзин окинул взглядом плоды своих трудов и убрал инструменты.

— Давайте обменяемся именами, чтобы знать, как обращаться друг к другу. Меня зовут

Юаньцзин, можете звать меня доктором или учителем Юанем. А вы?

Чжан Чжи был искренне рад своей новой личине. Рожденный шуаньэр, он всегда был в семье существом второго сорта, товаром, который рано или поздно должны были выгодно продать. Такова была участь всех подобных ему в роду Чжан.

«Будь я мужчиной, даже бастардом, я бы мог учиться, вести дела... даже под гнетом законной жены отца я бы нашел свой путь»

К сожалению, этот наряд был лишь временным прикрытием.

— Меня зовут Чжан Чжи, я из Хуайчэна. Доктор, позвольте мне остаться с вами! Я сделаю всё: буду стирать, готовить, убирать... Клянусь, я буду очень полезен!

— Семья Чжан из Хуайчэна? Те самые солеторговцы? — удивился Юаньцзин.

Чжан Чжи поспешно закивал. Да, те самые, чье имя он теперь мечтал забыть.

Видя его полные надежды и страха глаза, Юаньцзин медленно кивнул:

— Хорошо, пока оставайся. Там видно будет. А ты?

Он повернулся к мальчику. Судя по многочисленным шрамам на теле, ребенка держали в том подземелье больше года. При одной мысли об этих истязаниях Юаньцзин жалел, что убил Лю Фу так быстро.

Мальчик был не по годам проникновен. Он видел, что лекарь относится к нему совсем иначе, чем к Чжан Чжи.

— Можете звать меня Миньюй. «Юй», как в именах великих императоров Яо, Шуня и Юя.

— Хорошо, Миньюй. Так и буду звать, — улыбнулся Юаньцзин и не удержался — ласково взъерошил мальчику волосы. Глупо было бы упускать момент — когда этот волчонок вырастет, он наверняка станет куда выше и грознее, и тогда такой вольности он уже не позволит.

Миньюй вспыхнул от негодования. Его потрепали по голове! С тех пор как он попал в беду, никто не смел вести себя с ним так фамильярно. Мальчик вперил в Юаньцзина грозный взгляд, словно предупреждая: «Еще раз тронешь — укушу!».

Но Юаньцзин лишь рассмеялся и снова потрепал его по макушке:

— Ну-ну, веди себя как подобает ребенку. Пока что я твой кормилец, так что терпи. Однажды отплатишь мне за всё.

Миньюй был готов взорваться от ярости, но вынужден был признать правоту лекаря. С его нынешним телом и положением он не смог бы добраться до столицы в одиночку — у него не было ни гроша. Если не хотел сдохнуть с голоду, приходилось полагаться на спасителя.

Но осознание этой слабости лишь сильнее злило его.

«Хм, погоди у меня, пачкун... Придет день, и ты узнаешь, на что способен Сяо Миньюй. Но я не неблагодарный. Если он действительно спас меня без задней мысли, я вознагражу его сполна»

Юаньцзин велел им отдыхать в повозке, а сам занял место кучера. Теперь он мог позволить себе искреннюю улыбку. Вид ершистого Миньюя, который злился, но ничего не мог поделать, забавлял его. Лишь невероятным усилием воли ему удалось сдержать смех при мальчике, чтобы не доводить того до белого каления.

Однако, вспомнив о ранах на теле ребенка, Юаньцзин помрачнел. Старый пес Лю подох, но Миньюй не мог оказаться в том подвале без участия других людей. За каждого из них со временем придется спросить.

Когда мальчик назвал своё имя, догадки Юаньцзина подтвердились. То, что Лю Фу лишь истязал его, но не решался убить, говорило о высоком происхождении пленника. Имя Миньюй наверняка было настоящим, как и в прошлой жизни с Му Чэнъанем — он назвал только личное имя, скрыв фамилию. Скорее всего, его фамилия — Сяо. Это императорский род, а значит, Миньюй принадлежит к правящей династии.

Юаньцзин был в этом почти уверен: он знал из сюжета, что наследника князя Чэн зовут Сяо Минжуй. Все члены императорской семьи этого поколения носили иероглиф «Мин» в именах. Но Миньюй явно не был сыном князя Чэн. Каким же ветром его занесло в ту яму? И если бы не вмешательство Юаньцзина, не суждено ли ему было там и сгинуть?

Юаньцзин боялся даже думать об этом. Его возлюбленный в каждой жизни сталкивался с трагедией. В первой жизни, если бы не Юаньцзин, Циншань мог и не вернуться с войны. В этот раз ситуация была еще страшнее.

Кажется, сама судьба гнала его в столицу. Теперь он точно столкнется с Чжао Ханем и Сяо Минжуем — главными героями этой истории.

Они почти не останавливались на отдых. Питались купленными в Цзянчэне булками, пили духовную воду. Израненные Миньюй и Чжан Чжи большую часть пути проводили в тяжелом сне, укачиваемые мерным движением повозки.

Чжан Чжи несколько раз порывался подменить Юаньцзина, но лекарь лишь отмахивался:

— Лучше лечись. Если швы разойдутся, мы только время потеряем.

После этих слов тот послушно возвращался в повозку, стараясь быстрее восстановить силы.

Прежде чем весть о смерти Лю Фу достигла Нинчэна, Юаньцзин со своими спутниками уже был у городских ворот. Они беспрепятственно въехали в город. Оставив раненых в недорогой гостинице, он отправился на поиски жилья. Юаньцзин искал дом поближе к поместью Ло, чтобы было удобнее наблюдать за врагами.

Раньше такая покупка была бы ему не по карману, но после «визита» к Лю Фу его состояние было огромным. Помимо золота и серебра, в пространстве лежали векселя на сумму более трёх миллионов ланов. Даже Юаньцзина, видевшего немало, эта цифра потрясла. И это богатство лишь одного евнуха! Сколько же тогда скопили его покровители в столице?

«Династия Великая Чжоу катится в пропасть, — со вздохом подумал Юаньцзин. — Должно быть, только милость Небес хранит этот мир от великой смуты, пока народ еще не поднялся на восстание. Налоги и поборы евнухов добьют эту страну»

Юаньцзин понимал: бремя, которое однажды ляжет на плечи Минъюя, будет непомерно тяжелым.

Располагая такими средствами, он не скупясь выкупил поместье на той же улице, где стояла резиденция Ло. Усадьба из трёх дворов была великовата для троих человек, но она обеспечивала покой и уединение.

С появлением собственного жилья Юаньцзину стало проще заняться здоровьем Минъюя. Поскольку мальчик был еще мал, сильные снадобья из прошлой жизни не подходили. Лекарь готовил для него особые лекарственные блюда на духовной воде. Прошло всего несколько дней, и лицо ребенка начало обретать здоровый цвет. Его спутник, питавшийся вместе с ними, тоже заметно окреп, и на щеках заиграл румянец.

Чжан Чжи чувствовал себя обязанным, и как только раны затянулись, он принялся за работу по дому, не зная отдыха. Юаньцзин не стал его останавливать. Ему было спокойнее видеть рядом человека, который ценил помощь, а не принимал её как должное.